

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VII т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1963

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VII

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1963

к тому же сословию, что и невеста, но не был состоятельным женихом, то его поступок встречал даже одобрение. Если же он принадлежал к категории «гул» и похитил девушку из семьи «туйс», то его могли подвергнуть гонениям.

В прошлом в брачном обряде туркмен-салыров существовал своеобразный и интересный обычай, аналогию которому мы не находим у других туркменских групп. Дело в том, что три родственные семьи связывались брачными узами, для этого нужно было, чтобы в этих трех семьях были юноши и девушки подходящего возраста. Семья «А» выдает свою дочку замуж в семью «Б», а семья «Б» — в семью «В». Таким образом, все три семьи женили своих сыновей, выдавали замуж своих дочерей и избавлялись от обязательства платить калым. Этот обычай, вероятно, находит аналогию в обычае «гарша» у текинцев, согласно которому две семьи одновременно связывались брачными узами, то есть обменивались невестами. Пока можно лишь предположить, что данный обычай своим происхождением обязан родо-племенному строю, когда потеря рабочей силы сказывалась на благополучии всех членов рода. В этих условиях и появляется обычай, согласно которому ушедшего из рода должен был заменить другой.

В свадебных обрядах туркмен-салыров много и других старинных явлений, требующих научного анализа. Многие из них в условиях господства феодальной верхушки и мусульманского духовенства были умышленно законсервированы и превратились в орудие эксплуатации трудящегося населения.

Современная свадьба туркмен Серахского района коренным образом отличается от свадеб в прошлом. В районе все чаще устраиваются комсомольские свадьбы, организаторами которых является молодежь.

Ш. АННАКЛЫЧЕВ

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ ТУРКМЕН ЧЕЛЕКЕНА

Основное население Челекена состоит из туркмен, в прошлом причислявших себя к иомутам. Обычно у челекенских туркмен к умирающему человеку приглашали муллу, который садился около него и несколько раз подряд читал тихим, ровным голосом, немного нараспев молитву из корана, называемую «иман». Неподалеку от умирающего располагались его близкие родственники.

По повериям туркмен-иомутов, если мулла успевал прочесть «иман» до наступления смерти, то умирающий якобы быстро очищался от грехов и умирал без мучений. После прочтения молитвы мулла говорил тихо умирающему: «Разы бол (Будь доволен, прости)». С такой же просьбой обращались к нему и все присутствующие. Если умирающий мог разговаривать, он отвечал: «Разыдырын», — а если же не мог, то кивком головы или каким-нибудь жестом «прощал» своих родственников и знакомых. После этого, обращаясь к каждому из присутствующих и в первую очередь к своим близким, он делал свое предсмертное завещание. Обычно он завещал, чтобы его сыновья, дочери, жена или родственники уплатили его долги, затем наказывал не обижать друг друга, слушать старших и т. д. Считалось, что если не выполнить завещание умершего, то он «будет себя плохо чувствовать на том свете». Когда наступала смерть, люди, окружавшие покойника, начинали громко плакать, особенно громко и долго рыдали женщины — родственницы умершего, обычно вспоминая только лучшие качества умершего. Они оплакивали разрушенное счастье семьи и т. д. Громче

всех плакала, причитая, жена покойного, особенно если у нее не было детей:

Ат тутары галмады
... ойүнде
Пай тутары галмады
Сатышанның мүлкинде
Дикен өйүм ел йыкжак.
Босагамдан сув чыкжак
Атыны авдан минжек
Данны гедай гейжек.

В этой песне она сетует на то, что не осталось наследника, который мог бы встретить гостя, что в доме нет сына, которому бы досталось имущество покойника, что теперь ветер повалит установленную ею юрту, появится вода из-под входа в юрту и что на коне умершего будет ездить чужой человек, а его халат достанется нищему. В приведенном плаче-причитании отразилась тяжелая жизнь туркменской женщины в прошлом.

Женщина, у которой умер сын, причитала:

Элимдэки эл гушым
Багрымдакы шункарым².
Багрым дилди, дуз гойды
Гойнымы ашды гор гуйды.

Ийдирип агзын гозледим,
Гейдирип боюн сынладым.
Гелишен задын дакдым,
Ярашаныны дакдым.

Ятана жайы галар.
Өйүмде пайы галар
Гүн гөрмедик огланым
Ел алмадык бәбегим³.

В первом куплете песни умерший сын сравнивается с прирученной птицей, которая была близка сердцу матери. Здесь говорится, что его смерть ранила печень матери и насыпала на нее соль, своей кончиной он как бы раскрыл ее грудь и положил пылающую головню. Во втором куплете рассказывается о том, что она кормила, одевала и наряжала сына, с гордостью смотрела на него. В третьем куплете поется о том, что после смерти сына остался его дом, его доля наследства и что он не успел пожить в этом мире, не видел солнца.

¹ Вместо точек стояло имя покойного.

² «Эл-гуш» и «шункар» — названия охотничьих птиц на иомутском диалекте.

³ Бәбег — малолетний ребенок.

Девушки и молодые женщины, если умирала мать, причитали так:

Гапыдан гелсем гел диен.
Янын ачип ер берен.
Боюкмасам соран,
Гелмесем идэн,
Бармасам идэн.
Халымдан хабар алан,
Гунимден сораг салан,
Бейик кәбәм жан әжем.

В переводе это означает: «Когда я приходила домой к матери, она ласково просила зайти, уступив местечко около себя, а если я не приходила к ней, то она спрашивала у людей обо мне, как я живу, как у меня проходят дни». Плачущая сравнивает мать с каабой⁴ и говорит о том, что она была самым дорогим и близким для нее человеком.

Народные песни-плачи на протяжении веков передавались из поколения в поколение.

Мужчины у туркмен-иомутов Челекена, как правило, не принимали участия в оплакивании покойника, не причитали, подобно женщинам.

Родственники покойного обязаны были оповестить о его смерти всех близких и дальних родственников. Известие о смерти быстро распространялось среди населения.

Если человек умирал ночью, то его хоронили обычно на следующий день. Около покойника ночью оставались пожилые люди из его родственников. Ночью громко плакать, по обычаю, не разрешалось. Если человек умирал среди ночи, то присутствующие негромко, чтобы не всполошить соседей, плакали в течение нескольких минут.

Если же он умирал днем, то его хоронили до заката солнца, ибо, по поверьям, после смерти душа непогребенного покойника чувствует себя как в пламени «тамдыра»⁵. Поэтому покойников очень редко оставляли до следующего дня — лишь в том случае, если ожидали прибытия самых близких родственников.

Для обмывания трупов обычно использовалась лишь теплая вода. Обряд обмывания (ювмак) в зависимости от пола умершего производили двое мужчин или же женщин, беспрекословно выполнявших и знавших все предписания ислама. Для этого обычно приглашали посторонних лиц. Один из них должен был лить воду на тело покойника, а второй — обмывать.

⁴ Кааба — мусульманское святилище в Мекке, где хранится «священный» камень.

⁵ Печь, где выпекают лепешки.

Прежде чем приступить к обмыванию, читали молитвы. В комнате, где находился покойник, обычно ставили так называемые «оли яшиги» (ящики из досок и фанеры), предназначенные для обмывания покойника, которые изготавливались местными мастерами. Их брали каждый раз, когда кто-либо умирал, а затем возвращали владельцам, за что не взималось никакой платы.

При обмывании тела умершего вместо ящика использовались также различные подстилки из травы, в том числе из клевера (в восточных районах Туркмении) и полыни (в пустынных районах Туркмении и на Челекене).

Приготовив все необходимое для обмывания, покойника клали в ящик лицом вверх. Один из обмывальщиков надевал на правую руку один из пяти специально приготовленных мешочков (ювылгыч халта), сшитых белыми нитками из чистой бязевой ткани, отрезанной от целого куска материи, предназначенной для савана (копун). Всего для обмывания нужно было четыре мешочка. Пятый использовали в качестве полотенца, им обтирали тело покойного. Затем эти мешочки просушивали на солнце. Обмывальщики мыли руки, а воду, использованную для обмывания тела покойника, выносили из комнаты и выливали где-нибудь в безлюдном месте. После обмывания покойника одевали в саван. Сначала возле «ящика» расстилали кошму, палас или ковер (намазлык)⁶. Место, где одевают саван, называется «саладжа». На намазлык расстилался саван, состоящий из двух полотнищ бязевой ткани, длиной немного больше роста покойника. Затем на саван расстилали вдвое сложенную бязевую ткань, называемую «олунин койнеги» (рубаша покойника), размеры которой меньше савана. После этого саван завязывали в трех местах неширокой бязевой полосой, называемой «эле́м». Затем завертывали в намазлык, выносили из комнаты и клали на чисто убранной земле на расстоянии 20—30 метров от дома. К этому времени собирался народ.

Женщины располагались отдельно от мужчин. Мужчины становились в два-четыре ряда один за другим. Среди мужчин, окружавших с трех сторон покойника, не имели права становиться те, которые не соблюдали всех предписаний ислама. Здесь же не имели права становиться мужчины, которые не совершали омовений после общения с женщиной. Затем один из мулл или кто-либо из «благочестивых» верующих выходил вперед и тихо начинал читать молитву (джиназа). После молитвы несколько мужчин укладывали покойника на неглубокие, заранее приготовленные носилки

⁶ Намазлык также использовался всеми, как и «ящик» для обмывания. Хозяин намазлыка также не брал платы за его использование.

(лемпер), на четырех ножках с немного удлиненными ручками. Затем, взяв носилки за ручки, ставили их на верблюда или же клали на деревянную лестницу и несли на кладбище, где была заранее вырыта могила (габыр). Женщины в похоронной процессии не принимали участия.

Могила выкапывалась в форме четырехугольника по росту покойника, которого клали головой на восток, в сторону «каабы». Глубина могилы достигала 1,5 метров. Если земля, где рыли могилу, оказывалась твердой и каменистой, то считалось, что у покойника мало грехов (ибо могила долго может сохраниться), а если рыхлой и мягкой, — то много. Если могилу приходилось выкапывать после прибытия похоронной процессии, то каждый из присутствующих старался принять участие в ее рытье, так как, по повериям, за это его бог должен «помиловать на том свете».

При твердом грунте с боковой стороны на дне основной могилы делался узкий подбой, немного длиннее роста покойника. Этот подбой назывался «ички ой» (буквально — внутренний дом) или «элхед». При мягком грунте «внутренний дом» вырывали в середине дна могилы, называемой также «элхед»⁷. При погребении покойника так называемый «эле́м», которым привязывали саван в трех местах, развязывали и два его конца привязывали к доске, которую ставили у изголовья, а третий конец привязывался к доске у ног покойника. Затем на грудь покойнику клали бумажку с «курек дога»⁸ (нагрудная молитва), и каждый из присутствующих сыпал на покойника землю, вынутую из могильной ямы. Яма с телом покойника закрывалась крепкими досками⁹. После этого несколько человек с лопатами быстро засыпали ее землей.

Могила принимала двухскатную форму. У изголовья могилы ставился надгробный камень или же надгробная доска, которые врывались в землю. На надгробной доске или камне указывались фамилия, имя, год рождения, время смерти покойника, а также из какого рода он происходил. Надгробные камни имели различную форму и в большинстве случаев изготавливались из отшлифованного камня «гюша». Обычно на верху надгробного камня делалась ямка для того, чтобы в ней сохранялась дождевая вода. По поверию, птицы, выпивая из нее воду, молятся за покойника и просят бога, чтобы он попал в рай.

⁷ Ср. П. Огородников. Тревожные места. Журн. «Дело», № 7, Спб., 1876, стр. 109.

⁸ См. П. Огородников. Указ. работа, стр. 109.

⁹ В некоторых случаях (в Небит-Даре) «внутренний дом» сначала закрывали досками, над которыми затем настилали сено, траву, а иногда сырцовый кирпич (в окрестностях Ашхабада), закрепленный глиной.

После захоронения все присутствующие садились неподалеку от могилы спиной к югу. Один из стариков или мулл читал молитву, называемую «аят». После молитвы он обращался к присутствующим с вопросом: «Планы нэхэли адамды? (Каким человеком был покойник?)». На что присутствующие отвечали: «Онат адамды (Хороший был человек)». После этого присутствующим раздавались деньги, завязанные в маленькие платки. На эти деньги покупались сладости, и в память о покойнике читали молитву (аят). Женщины использовали эти платки для шитья «букджа» — разноцветной матерчатой сумки в виде конверта, куда клались предметы женского туалета, или же хранили как память об умершем.

Затем «гологчилер» направлялись к дому покойника. По поверьям туркмен, как только похоронная процессия трогается в обратный путь, покойник якобы громко кричит, но его голос слышат лишь животные и растения. В это время к покойнику будто бы приходит ангел — посланник бога, называемый Мункир-Ленкир. С его приходом для покойника начинается загробная жизнь. По тем же поверьям, если покойник правильно отвечает на все заданные ему ангелом вопросы, то он попадает в рай, если же нет, то посланник бога ударяет его огненной булавой (отлы гурзы) и отправляет в ад.

Отстать в пути или уходить считалось неприличным. Родственники и друзья покойника, приблизившись к его дому, начинали громко плакать, закрывая обеими руками лицо. Таким же плачем их встречали оставшиеся дома родственники, знакомые и соплеменники покойника. Особенно громко рыдали самые близкие родственники умершего. Участники похоронной процессии, возвратившись в дом покойника, усаживались рядами на кошке или паласе. Их угощали пловом, чаем, хлебом, после этого читали молитву (аят), затем все расходились¹⁰.

На третий день в доме покойника устраивались поминки, для этого резали барана и готовили плов, называвшийся «учунин аши» или «садака». На четвертый, пятый и шестой дни родственники покойника раздавали соседям и односельчанам лепешки. Большие поминки устраивались также на седьмой, а затем на 30-й, 40-й и 100-й дни. Отмечалась и годовщина, называвшаяся «улы садака».

По сообщению информаторов, траур в доме покойника нередко продолжался один-четыре года. В течение 40 дней никто из родственников покойника не одевал новой одежды,

а женщины накидывали на голову «галын чаргат» (толстый клетчатый платок — накидку из шерсти или хлопчатобумажной ткани темного цвета). Во время траура независимо от погоды носили платья лишь темного цвета.

По поверьям, покойник приходит домой вечером с четверга на пятницу каждой недели, чтобы узнать, читают ли в его честь молитву (аят). Когда он подходит к дому, ему навстречу якобы выходит вода — слезы его родственников. Если его родственники непрестанно плакали, то воды собирается много, и ему приходится обходить ее. Чем меньше плачут, тем меньше воды и тем самым покойнику легче и быстрее можно придти домой. В вечер с четверга на пятницу женщинам не разрешалось вышивать и шить, они должны были читать молитву.

В похоронном обряде туркмен Челекена учитывался пол и возраст покойника. Например, для мальчиков, умерших в одно-двухлетнем возрасте, шился однослойный саван. Обмывание их обычно поручалось пожилым женщинам. Для мальчиков, умерших в 12—13-летнем возрасте, шился саван, как для взрослых мужчин. Девочек, умерших в возрасте до девяти лет, обвертывали в двух-трехслойный саван, а старше девяти лет — в пятислойный саван. Обмывали девочек и женщин женщины. На голову покойниц, помимо савана и рубахи, одевалась «эли бөрүги» (тюбетейка), сшитая из белой бязевой ткани. Могилы для женщин делались немного глубже, чем для мужчин.

В настоящее время на Челекене сохранилось несколько кладбищ, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Из них крупными считаются Хайдарходжа, Байраммахтум, Огомене, Лачин, Хаджиммахтум 1 и Хаджиммахтум 2. Туркмены Челекена строго соблюдали правило — хоронить умерших на родовом кладбище, рядом с покойными предками. Еще до недавнего прошлого на кладбище Лачин хоронили покойников из рода герей, на Хайдарходжа — махтум, хиваги, кор, кизыл, на Байраммахтум — герей, недим, кор, на Огомене — кор, недим, машрык, эрсари и т. д. Однако в последнее время этот традиционный обычай утратил свое былое значение. Сейчас на этих кладбищах хоронят не только туркмен, но и представителей других национальностей, живущих на полуострове.

¹⁰ Людей, возвратившихся с похорон, нередко принимали в отдельном «чадыре», то есть в палатке, приготовленной к их возвращению около дома покойника. Эту палатку разбирали на сороковую день траура. (См. П. Огородников. Указ. работа, стр. 109).

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН

Под редакцией кандидата исторических наук С. Г. Агаджанова
и кандидата исторических наук А. Оразова

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТУРКМЕНИСТАН“
АШХАБАД — 1965

СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ТУРКМЕНСКИХ РАБОЧИХ

В работах дореволюционных авторов¹, а также в трудах советских исследователей², изучавших этнографию туркменского народа, значительное место занимает описание свадебных обрядов и обычаев туркмен. Судя по сообщениям, полученным от многочисленных информаторов, свадебные обряды и обычаи туркменских племен в прошлом, несмотря на некоторые общие черты, заметно различались.

За годы Советской власти свадебные обряды и обычаи туркмен подверглись большим изменениям. Современные браки туркменских рабочих, за немногим

¹ К. К. Бодее. Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. Отечественные записки, кн. VIII, 1856, стр. 287—289; А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, М., 1874, стр. 278—280; П. Огородников. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. Изд. 2, Спб., 1878, стр. 217—220; А. Ломакин. Обычное право туркмен (адат), Ашхабад, 1897, стр. 3—4 и др.

² Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщины старой Туркмении, М.—Л., 1931, стр. 26, 27; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. В кн. Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 196—199; Д. Овезов. Туркмены-мурчали. Труды ЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 260—267; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961, стр. 125—131; А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX—начале XX в. (рукопись канд. диссертации), М., 1961, стр. 294—305; К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. VI (серия этнографическая), Ашхабад, 1962, стр. 159—165 и др.

исключением, регистрируются в загсе, а там, где отсутствуют загсы, в поселковых советах. В промышленных центрах республики с каждым годом увеличивается количество молодых семей, о чём свидетельствуют документы загсов. Этому прежде всего благоприятствуют дальнейший рост материального благосостояния трудящихся, их культурного уровня и улучшение жилищных и других бытовых условий.

Для подтверждения сказанного обратимся к фактам. Если в 1958 г. в Челекенском загсе был зарегистрирован 321 брак, то в 1960 г. — более 400, а в Кизыл-Арвате с 1 января по 1 мая 1960 г. было зарегистрировано 96 браков, то есть больше, чем за тот же период 1959 г. В течение 1959—1960 гг. в Небит-Дагском городском загсе зарегистрировано 1068, в Кум-Даге—220, в посёлке Вышка—75, на Серном заводе и в Дарвазе—255 браков. В Красноводском городском загсе в течение 1961 г. зарегистрировано около 600 браков, а в Небит-Даге в течение января и февраля 1961 г. заключено 150 браков и т. д.

Однако отдельные родители настаивают, чтобы при вступлении их детей в брак соблюдались не только современные, но и традиционные свадебные обряды. Зачастую они при этом руководствуются боязнью прослыть среди людей старшего поколения „нарушителями“ обычаев предков. В этом сказывается отрицательное влияние религиозных стариков. Но даже в таких случаях на свадьбах рабочих соблюдаются лишь отдельные традиционные обряды, которые подверглись, особенно за последние годы, большим изменениям. Отдельные пережитки старых свадебных обрядов сохранились среди незначительной части рабочих Кизыл-Арвата, Безмеина, Гаурдака. Однако у промышленных рабочих Небит-Дага, Кум-Дага, Красноводска и Челекена такие случаи почти не наблюдаются.

Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря издавна имели тесные культурно-экономические связи с Россией. Передовая русская культура проникла сюда раньше, чем в центральные и юго-восточные районы Туркмении. Этот факт, конечно, прогрессивно воздействовал на развитие семейно-бытового уклада и культуры туркмен западных районов республики.

Почти все браки в рабочих семьях заключаются

по традиции — путём переговоров между родителями вступающих в брак, хотя юноши и девушки встречаются совершенно свободно и сами предварительно решают вопрос о браке, что не было возможным в дореволюционном прошлом¹. Переговоры обычно начинаются лишь с согласия юноши, изъявившего желание жениться на избранной им девушке. Ныне в быту рабочих семей не существует родительского произвола в отношении к судьбам своих детей. Юноши и девушки вступают в брак по любви. Девушки обычно через кого-либо из близких, так же как и юноши, передают родителям о своём решении вступить в брак. Нередко в рабочих семьях девушка сама предупреждает родителей о предстоящем визите родителей или родственников своего жениха для переговоров о свадьбе. Всё это, конечно, ярко свидетельствует о том, насколько изменилось за годы Советской власти положение туркменки и о её равноправии с мужчиной. Во время переговоров, которые обычно происходят в доме родителей девушки, решаются все вопросы, связанные с проведением свадьбы. Им необходимо согласовать время проведения свадьбы, и нужно ли со стороны жениха принести что-либо для угощения, устраиваемого в доме родителей невесты в день свадьбы.

Чтобы увезти невесту, приезжает очень много людей со стороны жениха и их положено угощать. Для свадебного угощения родители жениха перед свадьбой привозят в дом невесты два-три барана, несколько пудов риса, муки и т. д. В этом им большую помощь оказывают близкие родственники; они преподносят платья, платки, ожерелья и другие подарки невесте, её родителям, братьям и их жёнам. Аналогичные подарки невесте, её родителям и близким родственникам делаются и у некоторых других народов Средней Азии². Всё это делается для того, чтобы в некоторой степени облегчить расходы родителей невесты³.

¹ П. П. Огородников. Указ. работа, стр. 218.

² Об этом смотри раздел „Узбеки“ и „Таджики“ в кн. „Народы Средней Азии и Казахстана“, кн. 1, М., 1962, стр. 328 и 616.

³ В современных свадьбах в доме родителей невесты собирается более 100—300 человек с обеих сторон. Ни в одних семейных

До недавнего времени переговоры с родственниками невесты вели посланники родителей жениха, которых называли „элчи“ или „савчы“ (сваты), состоявшие обычно из двух-трёх мужчин — близких родственников жениха — или из других опытных лиц. В настоящее время сваты засылаются (как в среде рабочих, так и сельского населения) тогда, когда стороны вступают в брак с соблюдением традиционных обрядов. Однако при заключении брака теперь сваты не играют прежней роли.

Роль сватов в основном исполняют женщины, обычно мать или другие близкие родственницы жениха. Церемониальные встречи сватов с родителями и родственниками невесты не те, как были в прошлом. До недавнего прошлого для проведения переговоров с родителями невесты, как правило, избирали „счастливым“ день (сэхетли гүн), что иногда соблюдается и в наши дни. Теперь на такие переговоры идут обычно в воскресный и праздничный день.

По прибытии в дом родителей невесты сваты обычно говорят: „Сын такого-то влюблён в вашу дочь и поэтому мы уполномочены поговорить с вами (планын оглы сизин гызынзы халапдыр, шонун учин онун эне-атасы бизи сизе ибердилер)“. Родители невесты знают заранее, зачем они пожаловали, но задают вопросы сватам о женихе лишь ради традиционного приличия, соблюдаемого в таких случаях. Если же сваты состоят из родителей, родственников и родственниц жениха, то в этих случаях старший из сватов (обычно мать жениха) заявляет, что их визит вызван просьбой жениха. Сватов угощают национальными кушаньями. Когда же сватать отправляются женщины, то обычно они берут с собой сладости (конфеты, пряники, изюм или свадебные пышки „пишме“).

В недавнем прошлом девушка-туркменка скрывалась от сватов, когда они приходили в дом её родителей. Даже после обручения она продолжала избегать встреч как со сватами, так и с родителями, родственниками и односельчанами жениха, которые были старше его по возрасту. Это бывает и сейчас, но ред-

торжествах не делается столько много расходов из семейного бюджета, как это бывает на свадьбах.

ко. Такие случаи имеют место, например, среди рабочих семей Серных рудников и Безмеина.

Это результат того, часть молодежи находится под влиянием старших и боится их упреков в нарушении традиционных обычаев.

У части рабочих-туркмен по настоящее время бытует обычай устраивать так называемый „гецеш той“ (пир-совещание). Этот обычай более торжественно соблюдается среди западных туркмен, независимо от того, живут ли они в городах или аулах, чем у туркмен Кизыл-Арвата, центральной и юго-восточной части республики. Последние соблюдают его менее торжественно, лишь для узкого круга близких родственников жениха. Так, например, в октябре 1957 г. в Джебеле, в доме одного туркмена-железнодорожника состоялся подобный гецеш-той. В этом торжестве принимало участие около 30 почётных стариков из Небит-Дага, Кум-Дага и Джебела, среди которых были не только родственники жениха, но и другие уважаемые люди. Иногда в гецеш-тое принимают участие и представители других национальностей, главным образом товарищи по работе отца жениха, что особенно часто наблюдается в промышленных центрах республики. Обычно пир-совещание устраивают в доме родителей жениха за 10 — 20 дней до свадьбы. Участники гецеш-тоя решают почти все вопросы, связанные с предстоящей свадьбой. Для участников этого торжества режут барана и угощают их национальными кушаньями. После трапезы кто-нибудь из родственников жениха предлагает собравшимся определить день свадьбы, последние называют определённый день и обещают оказать всяческую помощь в проведении свадьбы. На этом же совещании советчики решают следующие вопросы: сколько дней продлится свадьба, назначают призы для предстоящих соревнований (скачки, борьба, стрельба из ружья и т. д.). Они же избирают арбитров из числа советчиков для предстоящих соревнований, определяют расстояние на скачках для лошадей различных возрастов, намечают круг обязанностей каждого участника гецеш-тоя на свадьбе, назначают „жарчи“ (глашатай), которые за два-три дня объявляют жителям о предстоящей свадьбе и т. д.

В недалёком прошлом глашатай пешком или на лошадях объезжали аулы и громким голосом извещали жителей о важных событиях, приглашали их на свадьбы и другие торжества. В настоящее время глашатай приглашают население только на свадьбы. Обычай приглашать на свадьбу через „жарчи“ распространён в районах Западной Туркмении (в Небит-Даге и прилегающих к нему посёлках и аулах). В Небит-Даге, Кум-Даге и прилегающих к ним районах имеются специальные глашатай¹, получившие признание населения. Они обычно садятся в такси, ездят по городу или посёлку и объявляют, что в такой-то день у такого-то состоится свадьба. Если до недавнего прошлого на свадьбу обычно приглашали только мужчин, теперь жарчи предупреждает, чтобы мужчины взяли с собой жён. За свой труд глашатай вознаграждаются.

Следует отметить, что в прошлом гецеш-той устраивался лишь наиболее зажиточными семьями, ибо это требовало немалых затрат из семейного бюджета. По словам наших информаторов, в прошлом некоторые богатые семьи в Западной Туркмении для того, чтобы придать особую торжественность и пышность предстоящей свадьбе, организовывали гецеш-той иногда два, а то и три раза; тогда как простые туркменские семьи не имели на то никаких возможностей.

В настоящее время среди туркменских рабочих семей существуют и другие правила приглашения на свадьбу. Наиболее распространено индивидуальное приглашение. В таких случаях близкие родственники и родственницы жениха посещают дома соседей и знакомых и приглашают их на свадьбу. На свадьбу заранее приглашают также родственников жениха (как с материнской, так и с отцовской стороны), живущих в других отдалённых аулах, посёлках и городах. Иногда к ним отправляют кого-нибудь из родственников жениха, обычно мужчину, которого называют „чакылыкчы“ (приглашающий, гонец). За последние годы в быту рабочих семей, особенно в Западной Туркмении,

¹ Подобных глашатаев нет в Кизыл-Арвате, Безмеине, на Серном заводе, в Дарвазе, Ашхабаде, Гаурдаке и в ряде других промышленных центров республики.

появился и продолжает широко распространяться новый способ приглашения на свадьбу. После обоюдного соглашения между девушкой и юношей о браке, заказывают специальные пригласительные билеты с фотографиями жениха и невесты. В верхней части эскиза пригласительного билета помещают фотопортрет юноши и девушки, а ниже пишут день и время начала свадебного торжества, имя жениха и невесты. За несколько дней до свадьбы жених и невеста отправляют своим друзьям, подругам, товарищам и т. д. подготовленные пригласительные билеты. Кроме таких билетов, нередко используют и обычные пригласительные билеты, напечатанные на пишущей машинке. Подобные билеты используются не только для приглашения на свадьбу, но и на другие семейные торжества (на новоселье, торжества в честь награды, на день рождения и т. д.). Однако эти способы приглашения не так широко распространены среди рабочих Кизыл-Арвата, Безмеина и Ашхабада, как среди рабочих семей Западной Туркмении.

Регистрация брака в загсе обычно происходит за день или за несколько дней до свадьбы, а в некоторых случаях в день или спустя несколько дней после свадьбы¹. При заключении брака близкая родственница жениха отправляется в дом невесты. Она забирает невесту и кого-нибудь из её родственниц и обычно на легковой машине подъезжает к загсу. Сюда же до их прибытия приходит жених со своим дружкой, так называемым „мусаибом“ и ещё с кем-нибудь из родственников. Обычно жених и невеста заранее подают в загс заявление о вступлении в брак. После регистрации брака в загсе жених и невеста отправляются каждый в свой дом. Это особенно часто наблюдается среди туркменских рабочих семей Челекена.

Для свадьбы выбирается определённый, обычно не рабочий, день. За несколько дней до свадьбы родственники жениха предупреждают сторону невесты, чтобы они приготовились встретить в такой-то день посланцев жениха, которые должны увезти невесту. Ко дню свадьбы в дома жениха и невесты прибывают их

¹ К сожалению, всё ещё наблюдаются случаи, когда браки регистрируются спустя много времени после свадьбы.

близкие и дальние родственники, друзья, товарищи, подруги и т. д., живущие в других городах, поселках и аулах. Женщины, особенно пожилые, приходят на свадьбу с подарками. Обычно они приносят пряники, конфеты, сушеные фрукты, свадебные лепешки, платки из разных шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных цветных тканей и т. д.

За невестой, как правило, отправляются в первой половине дня. Поэтому с утра в доме жениха собираются все приглашенные на свадьбу. Жених в большинстве случаев старается не показываться гостям до начала свадьбы. После завершения последних приготовлений в дом невесты отправляется свадебная процессия, называемая „гелналыжы“ (дословно: берущие невесту), в которой принимают участие все желающие, за исключением жениха и его родителей. Иногда отец или мать жениха также принимают участие в свадебной процессии. Сейчас нередко в свадебной процессии принимает активное участие и жених.

В свадебном поезде как в Западной Туркмении, так и в других промышленных центрах республики, принимает участие много людей¹, количество которых в отдельных случаях превышает 50—100 человек. В рабочих поселках и городах Западной Туркмении среди участников свадебного поезда можно видеть много взрослых девушек, чего не было в прошлом. Под влиянием городской культуры это прогрессивное явление распространилось и среди сельского населения Западной Туркмении. У рабочих-туркмен (потомков нохурли), которые живут в основном в Геок-Тепинском территориальном управлении и в ряде промышленных городов и рабочих поселках, взрослые девушки в свадебной процессии принимают самое активное участие. К сожалению, иногда отсталые старики запрещают девушкам участвовать в свадебной процессии (гелналыжы).

Оставшиеся в доме жениха гости к моменту возвращения свадебного поезда с невестой помогают хозяевам приготовить свадебные угощения и выполняют

¹ У туркменских рабочих Гаурдака по сей день за невестой отправляются 20—25 человек, в основном близкие родственники жениха.

другие неотложные дела, связанные с проведением свадьбы.

В прошлом у туркмен за невестой приезжали на верблюдах и лошадях. При этом для невесты выделяли самого сильного верблюда, на седло которого устанавливали так называемый „кежебе“. Кеджебе украшивали разными материями¹.

Теперь за невестой приезжают на грузовых и легковых такси, на мотоциклах и т. д. Наиболее близкие товарищи жениха, некоторые его родственники как с материнской, так и с отцовской стороны, нанимают такси за свой счет. Это является своеобразной помощью жениху и его родителям при их свадебных затратах. В современных свадьбах нередко участвуют две-три грузовых и десятки легковых автомашин, которые богато украшают традиционными свадебными нарядами. Например, радиатор автомобиля, на котором должна ехать невеста, украшается покрывалами, которыми раньше украшали свадебных верблюдов (дубашлык); с борта кузова машины обычно свешивают ковриковую сумку (дуб халык) и прикрепляют десятки шелковых и шерстяных платков. Нередко грузовые машины застилаются коврами, паласами, кошами. Легковые автомашины украшаются шелковыми платками и красивыми тканями, которые по-старому называются „ат гулак“. Наибольшей торжественностью отличаются свадебные процессии туркменских рабочих центральных районов республики. Часть названных платков передают потом родителям невесты, которые в свою очередь дарят их близким родственникам и соседям. В свадебной обрядности туркменских рабочих имеются и некоторые отличия. Например, в Западной Туркмении над кузовом машины, куда сажают невесту, девушки и юноши держат растянутый богато расшитый полог, называемый также „кежебе“. В этом можно видеть отголосок старинного обычая везти невесту в паланкине (кежебе), укреплявшемся на седле верблюда.

Родители жениха назначают руководителей свадеб-

ного поезда. Обычно свадебным поездом руководят два пожилых человека—мужчина и женщина. Все остальные участники процессии должны беспрекословно слушаться их. Руководители являются ответственными лицами за благополучное возвращение участников свадебной процессии. Мужчину—доверенное лицо родителей жениха—иногда в шутку называют „комендантом“¹. В функции руководителей процессии входит также вручение родителям и родственникам невесты подарков от имени родителей жениха. Руководители свадебного поезда должны присутствовать на свадьбе с начала до конца.

В редких случаях из числа участников свадебной процессии неофициально избирается несколько молодых расторопных женщин, в обязанность которых входит инсценировка шуточной борьбы с подругами невесты. Но и в таких случаях эта „борьба“ носит символический, условный характер, резко отличаясь от старого обычая „далаш“. Эти женщины зачастую надевают на руки массивные украшения, называемые „билезик“. Прежде во время борьбы за невесту женщинами руководила „йигит енге“ (жена старшего брата жениха). В ее обязанность входил также уговор „ов енге“ (снохи невесты) при ритуальном отказе выдать невесту посланникам жениха².

У туркмен западных районов республики в свадебной процессии активное участие принимают девушки. Обычно эти девушки держат вышешитое покрывало (кежебе); каждый из углов покрывала держат три девушки. При езде кежебе надувается ветром и закрывает почти всех, находящихся в кузове машины. Нередко одна из девушек всю дорогу держит в руке колокольчик и звонит до тех пор, пока свадебный поезд не доедет до дома жениха. Использование колокольчиков на свадьбах несомненно воспринято от прежних традиций свадебного каравана.

¹ Так называют их обычно туркмены промышленных центров Западной Туркмении.

² Термины „йигит енге“ и „ов енге“ существовали в основном среди населения Западной Туркмении; в остальных районах их просто называли „енге“. Их функции в свадебной церемонии были почти одинаковы. Роль „йигит енге“ и „ов енге“ могли исполнять любые женщины из близких родственников жениха и невесты.

¹ См. П. П. Огородников. Указ. работа, стр. 218; Граф Шолле, Булатье, Бонвалло и др. От Парижа до пределов Индии, М., 1890, стр. 108.

Обычай этот характерен для туркмен сельских районов Западной Туркмении, но иногда он наблюдается и на свадьбах рабочих Центральных Кара-Кумов. У жителей Небит-Дага, Челекена, Красноводска, Кум-Дага и других рабочих поселков бытует обычай одаривания людей, встретившихся на пути свадебного поезда. В кабине головной машины едет женщина (обычно родственница жениха), которая держит наготове маленькие платки и раздает их встречным. В некоторых случаях подобные платки дарят руководители свадебного поезда. Среди туркмен-рабочих — выходцев из Нохура — встречных одаривают узелками со сладостями или фруктами. Этот обычай наблюдается у рабочих, проживающих в Безмеине, Ашхабаде, Кизыл-Арвате, Небит-Даге и других городах. Участники свадебного поезда, особенно молодежь, по пути поют песни на разных языках. В промышленных центрах на рабочих свадьбах очень часто можно видеть представителей многих других национальностей — друзей и товарищей жениха и невесты. Поэтому неудивительно, что участники свадебного поезда поют частушки, современные популярные песни на русском языке, исполняют азербайджанские песни и танцы и т. д. При этом следует отметить, что среди исполнителей песен и танцев немало туркменской молодежи, особенно в городах и рабочих поселках Западной Туркмении. Свадьба, как и другие семейные торжества туркменских рабочих, все более приобретает интернациональный характер.

Когда свадебный поезд подъезжает к дому родителей невесты, то все выходит ему навстречу. Часть прибывших, особенно женщины и девушки, входят в специально отведенное для них помещение. Мужчины, как правило, остаются на улице и размещаются на кошах, коврах и паласах, постланных на земле. В холодную и дождливую погоду они также размещаются в специально отведенном для них помещении.

Прибывших за невестой обычно угощают чаем, пловом, мясным супом и т. д. Во время свадебного угощения в доме родителей невесты происходят и знакомства между ранее незнакомыми сторонниками жениха и невесты. При этом они обычно садятся смешанно и свадебные угощения принимают вместе.

После угощения и передачи привезенных подарков,

посланники жениха направляются в дом, где в кругу своих подруг сидит невеста. Девушки и женщины до прихода свадебного поезда веселятся, танцуют. Для невесты и ее подруг отводится особое помещение, туда же собираются ее родственницы, а в некоторых случаях и родители¹.

По прибытии свадебного поезда первыми в дом невесты входят сторонницы жениха, во главе которых обычно стоит их руководительница (йигит еңне). На невесту при помощи йигит еңне на девичье платье надевают новое платье (чыкыш), подаренное родителями жениха. На головной убор невесты накидывают новый платок, также привезенный из дома жениха (башдон). Подобное одевание невесты широко распространено в быту рабочих семей Челекена, Кум-Дага, Небит-Дага, Красноводска и отчасти Кизыл-Арвата. Среди горняков республики — рабочих семей Безмеина и Ашхабада — новые платья надевают на невест задолго до прибытия сторонников жениха. На голову невесты в редких случаях вместо платка накидывают жилет (курте), обязательно красного цвета, привезенный из дома жениха.

После завершения одевания невесты начинается инсценировка шуточной борьбы между сторонницами невесты и жениха.

В прошлом борьба за невесту являлась одним из центральных моментов свадебной церемонии туркмен; зачастую ее участникам наносили серьезные увечья. Бывали случаи, когда односельчане невесты подкрадывались к прибывшим за невестой женщинам и резали ножницами их головные накладки, подола платьев, кисти платков. П. Огородников в 70-х годах XIX в., наблюдая свадьбу у населения Западной Туркмении, писал, что такая борьба завершается довольно чувствительной потасовкой: одежды превращаются в клочья, тела покрываются синяками².

¹ Невеста со своими подругами обычно находится в доме кого-либо из соседей. Сходный обычай существовал и у других народов. См., например, О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. Сб. научн. кружка при восточном ф-те Среднеазиат. госуниверситета, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 79.

² П. П. Огородников. Указ. работа, стр. 219.

В настоящее время шуточные состязания между девушками и женщинами сохранились у отдельных групп рабочих Туркменистана, но они в корне отличаются от прежней традиционной борьбы за невесту. Например, среди туркмен, рабочих Гаурдака, после угощения присутствующих руководитель свадебной процессии раздает немного денег близким родственникам невесты, после чего в дом к невесте входит мать или другая родственница жениха. Когда она входит в дом, невеста и окружающие ее подруги встают с места и приветствуют ее поклоном. Она подходит к невесте и делает вид, что хочет взглянуть на ее лицо, хотя она, как правило, уже до свадьбы хорошо знакома с невестой. Невеста в свою очередь „сопротивляется“ и закрывает лицо платком. Подруги невесты в это время начинают подтрунивать над матерью или родственницей жениха. Таким образом, это состязание не имеет ничего общего с прежним обычаем, когда сторонники жениха и невесты, „борясь“ за невесту, устраивали потасовку. В наши дни оно приняло совершенно новую форму, служит для веселья и шуток и утратило свое прежнее значение.

Одним из важных моментов в свадебном обряде туркменских рабочих является выход невесты из дома родителей. В Западном Туркменистане невесту обычно выводит „өв еңце“ и усаживает ее в машину. Среди рабочих Централных Кара-Кумов, Безмеина, Кизыл-Арвата, Ашхабада и Гаурдака невесту выносят из родительского дома на паласе или ковре. При этом активное участие принимают мужчины — родственники и друзья жениха. В некоторых случаях родственницы невесты садятся вместе с ней на палас или ковер. Они отпускают невесту, лишь получив немного денег от руководителя свадебного поезда. После этого сторонники жениха усаживают невесту в свадебную машину. Иногда соблюдается и другой обычай одаривания сторонниц невесты. Например, среди части рабочих Гаурдака посланникам жениха усаживать невесту на палас помогает родственница жениха. Она обычно получает за это небольшой подарок или деньги. Однако описанные выше обычаи как раньше, так и в настоящее время отсутствуют на свадьбах рабочих семей из туркмен — потомков нохурлы.

В прошлом в центральных районах Туркмении существовал обычай, по которому каждый из участников свадебного поезда старался утащить что-либо из дома родителей невесты. Зачастую гости тащили ложки, чайники, пиалы, ножи, но при обнаружении этих вещей они вынуждены были вернуть их обратно. Люди, утащившие что-либо из дома невесты, верили, что вскоре у них тоже будет свадебное или другое торжество. Подобные случаи сейчас на рабочих свадьбах не наблюдаются; лишь редко отголоски этого обычая прослеживаются среди рабочих Централных Кара-Кумов.

В прошлом у большинства туркмен существовали и другие обычаи, без соблюдения которых свадебный поезд не мог отправиться в путь. Раньше невесту усаживали на специального свадебного верблюда, и когда верблюд поднимался, она должна была броситься на землю. Нередко при этом она получала тяжелую травму. Если невеста не соблюдала этот обычай, то она на долгое время становилась предметом осуждения. В таких случаях говорили, что она сама пожелала выйти замуж (өзи халап гитмек), а это считалось предосудительным. В настоящее время этот обычай окончательно изжит.

В начале 1960 г. среди туркменских рабочих Гаурдака автор наблюдал интересный свадебный обычай, который отсутствует у рабочих других промышленных центров республики. На этой свадьбе, когда сторонники жениха, усадив невесту в машину, отправлялись в обратный путь, из толпы сторонников невесты на дорогу вышли двое пожилых мужчин с длинной веревкой, называемой кежебе, и загородили ею путь свадебной процессии. Находившийся в это время в кузове машины руководитель свадебного поезда вознаграждал каждого из них небольшой суммой денег, после чего свадебный поезд продолжил свой путь. Аналогичный свадебный обычай существует и в Южной Киргизии, где на пути следования новобрачных дети и подростки протягивают через дорогу аркан. Чтобы освободить путь, их одаривают мелкими деньгами¹.

¹ Народы Средней Азии и Казахстана, кн. 2, М., 1963, стр. 273.

У части рабочих-туркмен, хотя теперь и очень редко, существуют отголоски старого обычая, по которому, когда свадебный поезд отправляется в обратный путь, сторонники невесты инсценируют „недружелюбные“ проводы, бросая в них комья земли и камни. В настоящее время в Западной Туркмении и тем более в городах и рабочих поселках этот обычай уже не соблюдается, но у части рабочих Кизыл-Арвата, Безмеина и Центральных Кара-Кумов в какой-то степени сохранились его пережитки¹. В этих районах иногда несколько родственников бросают в свадебную процессию камушки, щепки и куски глины, а у части рабочих Гаурдака родственники невесты обсыпаят всех мукой. Однако сейчас этот обычай изменил свое содержание, превратившись в веселую забаву. Между тем в прошлом выполнение этого обычая влекло за собой серьезные увечья. А. Ломакин по этому поводу писал, что участники свадебного поезда обычно возвращались в дом жениха с окровавленными носами и выбитыми зубами². Еще лет двадцать тому назад описанный обычай сравнительно широко бытовал в отдельных районах республики, особенно в сельских местностях. Бывали случаи, когда в участников свадебного поезда бросали сырцовые и жженные кирпичи, консервные банки, наполненные мазутом. В настоящее время этот (так же как и многие другие) вредный обычай прошлого исчезает не только среди рабочих семей, но и у колхозного крестьянства. Этнографическое изучение повседневной жизни туркменских семей, особенно рабочих, показывает, что пережитки этого и других обычаев в новых условиях не могут долго сохраниться, но для окончательного их изжития необходимо еще более усилить культурно-массовую работу.

В настоящее время при отправлении свадебного поезда иногда мать невесты берет горсть муки, осыпает машину, на которой должна ехать невеста и, обращаясь к дочери говорит: „Маңлайы ачык болсун, ёлы ак болсун (желаю счастья и светлого пути)“.

¹ Ср. Я. Р. Винников. Указ. работа, стр. 72. Д. Овезов. Указ. работа, стр. 3.

² А. Ломакин. Указ. работа, стр. 3.

Кроме того, у сельских жителей Западной Туркмении, у потомков нохурлы¹, во многих рабочих и колхозных семьях, живущих в Центральных Кара-Кумах, горняков Гаурдака соблюдается обычай, по которому өв еңне или еңне сопровождают невесту до дома жениха, где они остаются с ней в течение нескольких дней. Однако этот обычай отсутствует у рабочих Безмеина, Ашхабада и других городов республики.

По прибытии свадебного поезда к дому жениха его прежде всего встречает мать жениха (так же как и в Южной Киргизии), которая осыпает невесту пшеничной мукой и говорит: „Аягын душсун агзыбир болуң (будьте счастливы, живите мирно)“. Нередко при этом присутствующих осыпают деньгами. Кроме того, несколько пожилых женщин, обычно родственницы жениха, раздают присутствующим конфеты, сушеные фрукты, свадебные пышки и т. д. Осыпание невесты и участников свадебного поезда существует почти у всех туркмен.

После этого выполняется целый ряд других обрядов. На свадьбах рабочих Челекена, Красноводска, Небит-Дага и Кум-Дага, после окончания осыпания невесты и присутствующих, машина с невестой, өв еңне и другими участниками свадебного поезда объезжает несколько улиц. Затем она останавливается у входа в дом, предназначенный для молодоженов (өрүгөй). Для этой цели выбирают дом неподалеку от дома родителей жениха, обычно дом старшего брата или соседа, с которым родители жениха находятся в очень дружественных отношениях. В прошлом существовало нелепое суеверие, что входить в дом для молодоженов можно лишь со стороны, противоположной положению на небе „несчастной звезды“. В противном случае молодую чету, якобы, ждет несчастье. В настоящее время подобное поверье не бытует среди рабочих Туркменистана.

Иногда несколько юношей и женщин закрывают дверь „өрүгөй“ изнутри и открывают ее лишь получив какой-нибудь подарок или деньги.

Среди рабочих-туркмен соблюдается обычай, по которому невеста входит в дом жениха в сопровож-

¹ Г. П. Васильева. Указ. работа, стр. 199.

дении еще. Войдя в дом, еще спрашивает у родителей жениха, какие подарки (женские украшения) они дарят невесте. После этого она разрешает невесте сесть, а родители жениха уходят из дома. Невеста остается в доме с участницами свадебной процессии — женщинами и девушками.

Затем невесту отвозят в другой, специально отведенный для молодоженов, дом после чего начинается свадебное веселье: песни, танцы, состязания и т. д. Одним из интересных свадебных обычаев населения Западной Туркмении, независимо проводятся ли они в городах или в аулах, являются танцы, называемые „зикир“ или „күшт депмек“. Эти танцы сопровождаются пением песен. В настоящее время зикир очень распространен среди туркмен, в том числе среди рабочих. Зикир исполняется не только на свадьбе, но и на других семейных торжествах и общенародных праздниках. Так как подробное описание и генезис танца зикир приводятся в ранее опубликованной нами работе¹ и частично в монографии А. Джикиева², здесь ограничимся лишь изложением новых материалов, накопленных автором в 1959—1962 гг.

Зикир наиболее распространен в Гасан-Кули, на Челекене, в Красноводске, чем в Небит-Даге, Кум-Даге и других поселках, но он почти у всех туркмен одинаков. Танец зикир состоит из четырех частей: „дивана“, „еке депим“ (один такт), „үч депим“ (три такта) и „дем-дем“ (дословно: вздох). Песни и движения танцоров при исполнении каждой из них значительно отличаются друг от друга. Песни, например, имеют разное количество слогов, а танцы — тактов.

Для исполнения зикира отводится специальная просторная комната с дощатым полом, чтобы звук ударов ног был громким. До начала зикира, в комнату собирается много мужчин и женщин различного возраста. Они становятся в круг и один из присутствующих (обычно пожилой мужчина), обращаясь к окружающим, говорит: „башлалың (начнемте)“. После этого

кто-либо произносит „уаая, уааа“, что означает начало зикира, и постепенно подхватывается остальными. В это же время начинается исполнение „газал“ (песен). В них поется о разных сторонах прошлой безрадостной и современной счастливой жизни. Отдельные газалы посвящены героизму советских людей в Великой Отечественной войне. В других песнях звучит благодарность туркменского народа Коммунистической партии и Советскому правительству за заботу о простом народе. Во время зикира можно услышать и острые юмористические куплеты и частушки. В отдельных редких случаях, когда на свадьбе много верующих стариков, зикир начинается старинными песнями, подчас религиозного характера. Но подобных песен очень мало, и они исполняются лишь пожилыми людьми и стариками.

Во время командировки на Челекен, в Красноводск, Небит-Даг, Кум-Даг и другие города и поселки автором записано более 500 куплетов песен, исполняемых при свадебном зикире. Все они являются результатом народного творчества. Поэтому считаем нужным привести здесь несколько этих песен и куплетов.

Самаварың миси бар,
Түссесиниң иси бар,
Ишчилериң өйүнде,
Радиолаң сеси бар.

Стоит медный самовар,
Доносится запах дыма.
В домах рабочих
Раздаются звуки
радиола.

Сүйт герек, гаймак
герек,
Гаймагы яймак герек,
Гызын пула сатаның,
Гөзүни оймак герек.

Сары сандык не герек,
Сабын салмага герек.
Какан ишден геленде,
Элин ювмага герек.

Зачем нужен желтый
сундук?
Он нужен для того,
чтобы класть в него
мыло:
Когда мой отец приходит
с работы,
Он моет (этим мылом)
руки.

Күшт депишме, ярышма,
Ярышанда галышма,
Небитдаглы, Челекенчи,
Бир-биринден галышма.

¹ О свадебном зикире подробно смотри Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961, стр. 126—132.

² А. Джикиев. Указ. работа, стр. 142—145.

Человеку нужны молоко
и сливки;
Сливки же нужно
сбивать,
А кто продаёт свою дочь
(отдаёт за калым),
Тому нужно выколоть
глаза.

Иногда во время зикира исполняются также газалы,
посвященные дореволюционной жизни и ее невзгодам:

Хива гитдим ат билен,
Бойным долы хат билен,

Есер мениң маңлайым,

Язылыпдыр ят билен.

Лучше не состязайся в
танцах и песнях зикира,
А если состязаться, то не
будь побежденным.
Небитдагцы и челекенцы,
Не отставайте
(в состязании) друг от
друга.

Поехала я на коне в Хиву,
Имея при себе много
писем.

Несчастной судьбой
суждено было мне быть
Выданной за чужого
человека.

Среди песенного репертуара, исполняемого во вре-
мя зикира, значительное место занимают песни о свер-
жении гнета феодалов и капиталистов, борьбе тру-
дящихся против своих классовых врагов:

Капиталисти йыкдык биз,
Йыкып үстүн чыкдык биз,
Азатлыгың угрунда
Көп зэхметлер чекдик
биз.

Мы свергли власть
капиталистов,
Стали мы победителями.
На пути к свободе
Мы немало потрудились.

Экин экйэр колхозлар,
Дөкүн дөкйэр колхозлар,
Бай, сүйтхор кулакларын
Көкүн гыряр колхозлар.

Колхозы пашут и сеют,

Бейик-бейик ак жайлар,
Тэзеден доган айлар,
Гарыпларың зорындан
Ёк болуп гитди байлар.

Большие-пребольшие
белые дома
(Над ними) — молодой
месяц.

Благодаря силе бедняков,
Канули в вечность баи.

Агач-агажа бакар,
Арасындан сув акар,
Тэзе ёлы гөрөнлер,
Көне ёла ким бакар.

Дерево будет смотреть
на дерево,

Удобрят свои поля.
Баев и кулаков-мироедов
Колхозники подсекают
под корень.

А между ними
(деревьями) будет течь-
вода.
Тот, кто увидел новый
путь,
Разве свернет на старый?

Известно, что уже в первые дни Великой Отече-
ственной войны Советского Союза против гитлеровской
Германии Коммунистическая партия призывала весь
советский народ всемерно содействовать быстрому раз-
грому врага. Тогда партия провозгласила лозунг: „Все
для фронта, все для победы“. Этот призыв партии к
народу нашел отражение в песнях, исполняемых на
зикеире.

I

Гувандырып илимиз,
Беркиделиг тылымыз,
Фронта көп зат берин,
Пугта гушап билиниз,

На радость своему
народу
Укрепим свой тыл!
Туго опоясавши свой
стан,
Оказывайте всемерную
помощь фронту.

Биз илери йөрйәрис,
Ганым лешин серйәрис,
Фашистлери даргадып,
Гызыл байдак герйәрис.

Мы продвигаемся вперед,
Уничтожаем своих врагов.
Рассеяв фашистов,
Мы увидим реющее
красное знамя.

II

Агач-агажа бакар,
Арасындан сув акар,
Гахрыман совет халкы,
Душмандан үстүн чыкар.

Дерево обычно смотрит
на дерево.
Между ними же
(деревьями) течет вода.
Героический советский
народ
Все равно победит врага.

Гызлар, зэхмет чекелиң,
Небити көп алалың!
Уммасыз байлык алып,
Ватаны беркиделиң.

Давайте девушки
трудиться,
Добудем больше нефти!
Укрепим свою Родину
Добычей несметных
богатств.

Нами записано также немало куплетов и песен, воспевающих Коммунистическую партию:

Дуралыңа, дуралың,
Каспиде торлар гуралың,
Партияң саясында,
Биз коммунизм гуралың.

Советлерде гүл битди,
Лая диллере дил битди,
Яшасын компартия!
Медениет өсди гитди.

Вставайте, вставайте,
Забросим невод в Каспий.
Под сенью партии
Мы строим коммунизм.

При Советской власти
расцвели цветы,
Немые обрели язык,
Неизмеримо выросла
культура.
Да здравствует
Компартия!

В 1962 г. воды великой среднеазиатской реки Аму-Дарьи пересекли Кара-Кумы и подошли к столице нашей республики. Эта искусственная Каракум-река, как прозвал ее народ, имеет более 800 километров длины. Строительство канала нашло свой отклик в народных песнях, которые исполняются на свадьбах и других торжествах.

Гарагума сув гелер,
Сув үстүне гув гелер,
Чанап ятан боз мейдан
Гөйө гүлзара дөнер.

Сув гелер ака-ака,
Даглардан бөке-бөке,
Гарагумда баг экерс,
Жоялар чеке-чеке.

В первом куплете говорится, что в пески Кара-Кумы обязательно придет большая вода, а вместе с ней появятся лебеди. Последние две строки говорят об уверенности народа в том, что пустыня и степи с приходом аму-дарьинской воды превратятся в цветущий край. Второй куплет также посвящен каналу, который оросит бесплодную пустыню. В нем говорится, что с подачей воды Кара-Кумы превратятся в прекрасный сад.

Нередко в песнях во время зикира исполняются сатирические и шуточные куплеты, наподобие русских частушек.

1

Москвиче мүнерин,
Победа машын болмаса.
Ол оглана бармарын,
Голума сагат алмаса.

3

Алманың агына бак,
Сагадың багына бак,
Мени гөресин гелсе,
Каспиниң боюна бак.

5

Агач агачсыз болмаз,
Агач мивесиз болмаз,
Небитдагың гызларнын,
Голы сагатсыз болмаз.

2

Хеллик бизэ, хеллик биз,
Гумдагыңдан гелдик биз,
Небитдагың гызларын,
Далашманы алдык биз.

4

Красноводскиң ак дашы,
Жайлар салмага ягшы,
Красноводскиң гызлары,
Кино бармага ягшы.

6

Ак билек атлы болар,
Гыз сөөн багтлы болар,
Сөөн гызын алмаса,
Йүреги отлы болар.

Краткое содержание приведенных куплетов сводится к следующему:

1. Девушка обращается к подругам и говорит, что при отсутствии „Победы“ согласна ехать на „Москвиче“, но ни в коем случае не выйдет замуж за возлюбленного, если он не подарит ей женские ручные часы¹.

2. Девушки — участницы свадебного поезда гордятся тем, что они приехали из Кум-Дага и без традиционной борьбы между женщинами и девушками увезли невесту из Небит-Дага.

3. Девушка советует юноше, чтобы он обратил внимание на белые яблоки и, если желает увидеть ее, советует придти на берег Каспийского моря.

4. Восхваляя Красноводск, поют о том, что белые камни, добываемые неподалеку от города, хороши для строительства домов, а с девушками Красноводска хорошо ходить в кино.

5. Говорится о том, что не могут быть одинаковыми

¹ В Западной Туркмении жених дарит своей невесте часы и другие подарки.

бесплодные и фруктовые деревья, а девушки из Небит-Дага не могут обходиться без ручных часов.

6. Воспеваются белые, нежные руки девушек, сила любви и особо отмечается, что, если юноша не сумеет жениться на своей возлюбленной, то у него на душе всегда будет камень.

Следует отметить, что на свадьбах городских туркмен приведенные выше песни иногда поются под аккомпанемент гармошки. Но это явление не приняло еще массового характера.

Современный свадебный зикир, исполняемый среди населения Западной Туркмении, появился в последние 20—30 лет. Существовавший же до этого так называемый зикир имел совершенно другое значение и исполнялся при „лечении“ больных. По существу это было не что иное, как шаманское (порханское) радение, сопровождавшееся непрерывным движением и кружением порхана в экстазе. Во время этого радения порхан выкрикивал разные магические заклинания. Суть шаманского зикира заключалась в „изгнании злого духа“ из тела больного. Современный зикир не имеет ничего общего, кроме названия, с прежним шаманским зикиром.

Зикир, устраиваемый во время свадьбы в доме жениха, обычно продолжается с перерывами три дня. Зикир исполняется и в тех случаях, когда невеста является представительницей другой национальности. Во время свадебных, как и других, церемоний в рабочих семьях, кроме зикира, исполняют также азербайджанские танцы и песни. В этом отношении особенно выделяются рабочие Красноводска и Челекена.

В некоторых местностях, например в Гаурдаке, девушки и женщины (особенно молодые) собираются в дом, отведенный для невесты, поют песни, играют на бубнах и исполняют узбекские танцы. Мужчины же приглашают певцов (багшы) и слушают их пение под аккомпанемент дутара. Сюда же приходит немало женщин и девушек, занимающих отдельную часть дома. Женщины и девушки вместе с мужчинами с огромным вниманием слушают веселые, радостные старинные и современные песни. На рабочих свадьбах (особенно в Красноводске) нередко поют и танцуют певцы из азербайджанцев. В этих случаях они играют

на своих национальных музыкальных инструментах, на которых можно играть и туркменские мелодии.

В день, когда приводят невесту в дом жениха, начинаются разные игры, носящие спортивный характер. Особенностью свадебного церемониала рабочих Челекена, Небит-Дага, Кум-Дага и Красноводска, так же как и сельских местностей Западной Туркмении, является то, что среди развлечений в честь бракосочетания национальная борьба „гөреш“ здесь занимает одно из самых почетных мест, тогда как у других туркмен она играет второстепенную роль¹. У рабочих же Кизыл-Арвата, Безменна, Центральных Кара-Кумов, Ашхабада и ряда других городов и поселков большой популярностью пользуются развлечения „яглыга товусмак“ (прыжки в высоту с доставанием платка) и „чеке-чеке“, „йүзүк“ (колючко), тогда как они почти неизвестны у населения Западной Туркмении. Из названных игр последние являются наиболее популярными свадебными развлечениями среди населения Центральной Туркмении. В играх принимают участие подростки, юноши и мужчины разных возрастов. Участники этой игры (иногда их количество доходит до 70—80 человек), разделяются на две группы, каждая из которых имеет двух-трех и больше опытных в этой игре руководителей. Участники развлечения садятся на землю и образуют широкий круг, разделенный на две половины. Руководитель одной из состоящих групп берет в руки какой-нибудь небольшой предмет, обычно перочинный нож и показывает всем. Затем он подходит к каждому из игроков своей группы и тайком от игроков противоположной группы прячет этот предмет. После этого руководители противоположной группы начинают искать спрятанный предмет. Правила игры таковы, что никто не имеет права дотрагиваться до горла игроков. Если они найдут спрятанный нож, то считаются победителями, а если нет — то побежденными. Приз, состоящий иногда из 80—100 и больше рублей деньгами, достается победившей группе.

В отдельных случаях бракосочетание совершается в присутствии двух свидетелей (пиядаказы). Свидетели эти зачастую избираются из людей пожилого воз-

¹ См.: Ш. Аннаклычев. Указ. работа, стр. 135—137.

раста. Среди некоторых рабочих Западной Туркмении наблюдаются случаи, когда после заключения брака, жених и его приятель (мусаиб) входят в дом, где находится невеста, сидящая в кругу женщин и девушек. Ближе всех к невесте сидят өв еңне и йигит еңне, которые соединяют мизинцы (күлем бармак) жениха и невесты. Юноши, пришедшие с женихом и оставшиеся на улице, в это время разделяются на две группы. Одна из них входит в комнату, чтобы защищать жениха и мусаиба от тех, которые остались на улице для „нападения“ на них. Окружив жениха, юноши выходят на улицу, где на них нападает вторая группа. Начинается шуточная борьба, во время которой группа юношей, защищающих жениха, обходит дом невесты.

Спустя некоторое время, мусаиб и жених возвращаются в комнату, где находится невеста и обе еңне. Обращаясь к жениху, өв еңне говорит: „Готур дүе ийтдирме, арпа черек ийтдирме (не позволяй невесте взяться за повод и вести верблюда, покрытого лишаями, не позволяй есть лепешки из ячменной муки)“. После этого обе еңне уходят, оставив в комнате лишь мусаиба, жениха и невесту. Жених просит невесту, чтобы она показала свое лицо мусаибу, хотя последний ее обычно видит до свадьбы. Жених снимает платок с ее лица или с позволения жениха это делает мусаиб, после чего последний уходит, оставляя молодоженов одних.

У рабочих Гаурдака жених приходит к невесте в сопровождении еңне. До прихода их из дома уходит родственница невесты (еңне). В момент, когда жених входит в дом, невеста встает с места. Еңне жениха соединяет их руки. Иногда в таких случаях невеста старается незаметно наступить на ногу жениха. Среди части девушек существует поверье, что невеста, наступившая на ногу своему жениху, может им командовать в замужестве. После ухода еңне, жених разбрасывает по комнате сладости и обсыпает ими невесту (конфетами, пряниками, кишмишом и т. д.).

У рабочих Западной Туркмении после ухода өв еңне и йигит еңне, мусаиб просит последнюю, чтобы она принесла несколько чайников, сахар, пиалы и кипящий самовар, после чего присутствующие юноши

разными шутками испытывают невесту, как она может заваривать, наливать и подавать чай. Затем все расходятся, оставляя жениха и невесту. Мусаиб до поздней ночи находится на улице и охраняет дом (өй горама) от любопытных.

Как уже отмечалось, среди рабочих Западной Туркмении существует обычай, по которому молодой человек раньше чем жениться должен приобрести хорошего, обычно неженатого товарища, так называемого мусаиба, подобного „дружку“ при русской свадьбе. Мусаиб помогает жениху во всех отношениях, чтобы в будущем на своей собственной свадьбе получить такую же взаимную помощь. Жених и его дружок на всю жизнь остаются самыми близкими друзьями. Мусаиб за свой счёт устраивает угощение для тех, кто приходит поздравить жениха, прибывшего в дом мусаиба. Жених приходит в дом мусаиба в первый день свадьбы и остается здесь до встречи с невестой. Мусаиб за свой счёт нанимает машину для свадебного поезда и является одним из руководителей свадебной процессии; если кто-нибудь из сторонников невесты предъявит претензии, когда посланники жениха приезжают за нею, он одаривает их различными подарками. У туркмен других районов, помимо товарищей, жених имеет близкого приятеля, который в течение нескольких дней до свадьбы и после нее сопровождает его повсюду; он не имеет специального названия, которым отличался бы от остальных друзей, но выполняет отдельные функции мусаиба, например, в первую брачную ночь он некоторое время „охраняет“ дом, в котором остаются жених и невеста. Некоторые информаторы утверждают, что главная обязанность мусаиба заключается в охране молодых в первую брачную ночь.

В этнографической литературе нам не удалось обнаружить каких-либо данных о правах и обязанностях мусаиба. Тем не менее назначение мусаиба на свадьбах, по-видимому, является древним обычаем. В далеком прошлом мусаиб, вероятно, пользовался правом первой ночи. Интересно также, что прежде, когда юноши, окружавшие жениха, изъявляли желание посмотреть на лицо невесты, а она противилась этому, мусаиб с разрешения жениха насильно срывал с ее лица платок и показывал невесту окружающим.

Однако в наши дни обычай назначения мусаиба совершенно потерял свое прежнее значение. Сейчас мусаиб, как мы отметили выше, является обычно близким другом жениха и его семьи.

На второй день после свадьбы туркмены-рабочие соблюдают ряд других обычаев. Невесту в сопровождении девушек и молодых женщин провожают в дом родителей жениха, где заменяют её наряд на одежду замужней женщины, а её новую тюбетейку дарят сестре жениха или дочери его близкого родственника. Среди же выходцев из Нохура девушку одевают в женское платье в доме отца.

Замена девичьего наряда невесты в некоторых районах (у рабочих Кизыл-Арвата, Безмеина) иногда сопровождается шуточной борьбой между девушками и женщинами. Девушки, окружая невесту, не разрешают женщинам надеть на нее женские наряды. Борьба обычно завершается победой женщин. На голову невесты надевают женский головной убор (алындаы, топбы). Волосы невесты заплетают в две косы и опускают на спину. Невестка у рабочих Гаурдака после замены ее девичьего наряда в течение трёх дней в сопровождении своей еңце приходит в дом жениха и приветствует поклоном его родителей. Этот обычай однако отсутствует у туркмен других областей Туркменистана.

Еще лет двадцать тому назад у большинства туркмен существовал старый обычай, соблюдавшийся во время показа лица невесты окружающим. В таких случаях жених брал длинную веревку и подходил к невесте, которая сидела на кошке, ковре или паласе, плотно закрыв лицо головным покрывалом. Жених подходил к ней и обматывал веревкой ее голову. Отойдя затем в сторону, он с силой тянул веревку к себе. Эта операция, заканчивавшаяся подчас травмой, продолжалась до тех пор, пока платок не спадал с головы невесты. В настоящее время этот обычай не существует ни у рабочих, ни в сельских районах республики.

В прошлом почти у всех групп туркмен одним из строго соблюдавшихся обычаев была „гайтарма“ (возвращение невесты в дом родителей). Обычай этот, соблюдавшийся у многих других народов, сейчас у

туркмен-рабочих практически изжит. Лишь в отдельных весьма редких случаях наблюдаются пережитки этого вредного обычая прошлого. Но даже в таких случаях этот обычай намного отличается от старой гайтармы. Прежде по этому обычаю невеста оставалась в доме родителей иногда по 10—15 лет. При этом зачастую она могла возвратиться к мужу лишь после полной уплаты им калыма. Сейчас же, например, у части рабочих Западной Туркмении (Челекена, Красноводска, Небит-Дага, Кум-Дага) молодая женщина через три-четыре дня после свадьбы возвращается к родителям. Однако, если она пожелает, то может уже на следующий день возвратиться к мужу. Самый большой срок пребывания молодой женщины в доме родителей (у тех, кто соблюдает обычай возвращения) не превышает пяти-десяти дней.

В наше время этот обычай не имеет ничего общего с принудительным затворничеством молодой женщины. Он сохраняется в быту отдельных рабочих как формальный пережиток прошлого. Однако против подобных пережитков в какой бы форме они не проявлялись, необходимо вести решительную борьбу. В этом деле активное участие должна принять молодежь и общественность.

Следует отметить, что такая борьба ведется в настоящее время. В июле 1960 г. комсомольцы Марыйского района провели специальный рейд по проверке случаев гайтармы. В результате этого рейда тридцать молодых женщин были возвращены к своим мужьям. Причем все это делалось без какого-либо нажима, с полного согласия родителей невест, после откровенной задушевной беседы с ними. Подобную инициативу надо проявлять всюду, где еще сохранились отголоски старого быта, добиваться их быстрого и окончательного изжития.

Этнографическое изучение современной свадьбы туркменских рабочих показывает, что в результате социалистического строительства в области духовной культуры туркмен произошли большие преобразования. Соблюдающиеся же кое-где некоторые вредные обряды и обычаи быстро исчезают, уходя в область преданий. Многие из вредных традиционных свадебных обрядов и обычаев изжиты окончательно. В ор-

ганизации и проведении свадеб появляются новые прогрессивные обряды и обычаи: участие девушек, представителей других национальностей в свадебном поезде, новые свадебные песни, танцы, регистрация в загсе.

Жизнь современных туркменских рабочих семей показывает, что вредные пережитки традиционных свадебных обычаев и обрядов окончательно потеряли свое былое значение и социальный смысл.

Одним из новых явлений в свадебной обрядности является комсомольская свадьба. Описание современной комсомольской свадьбы у туркмен, живущих как в сельских местностях, так и в городах и рабочих поселках, является темой для самостоятельной статьи. Поэтому в настоящей работе комсомольская свадьба не рассматривается. Автор надеется, что в ближайшее время будет опубликована готовящаяся им к печати специальная статья на эту тему.

О ВЕРОВАНИЯХ И ОБЫЧАЯХ ТУРКМЕН, СВЯЗАННЫХ С ОГНЕМ

Научное изучение верований туркмен в целом, а также тех из них, которые связаны с доисламским периодом, необходимо по двум причинам.

Во-первых, в историческом плане такое изучение способствует расширению и углублению наших знаний о том мире представлений, в котором жили туркмены на более ранних этапах своей истории. Кроме того, это играет немалую роль и в деле изучения ряда вопросов духовной культуры туркмен в прошлом, а также их этногенеза, культурно-исторических связей с другими народами и т. д.

Во-вторых, поскольку с теми из верований, которые сохранились как пережиток до настоящего времени, необходимо вести самую активную борьбу за их полную ликвидацию, тем, кто ее проводит, необходимо знать, что из себя представляют эти пережитки, чтобы их антирелигиозная пропаганда стала еще более действенной.

Предлагаемая работа написана на основе полевого этнографического материала, собранного автором в различных районах Туркмении в течение 1960—1962 гг., а также некоторых данных, имеющих в литературе.

Представления, обряды и обычаи, связанные с огнем, занимали в народных верованиях туркмен в прошлом немалое место.

Некоторые из них носили характер общего почитания стихии огня, большая же часть была связана с